

К. Е. СКУРАТ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МУРАВЬЕВА

«О зданиях училищ заботьтесь, а о внутреннем их устройстве — больше...» Так писал в январе 1833 г., еще на заре своего святительского служения, святой митрополит Московский Филарет (Дроздов), поздравляя Преосвященного Тверского Гавриила с «приращением имени» (то есть с саном архиепископа). И продолжал: «Зачем с новым Ректором переменяется порядок в Семинарии, и Вы не знаете, к лучшему ли? Никакая перемена в Семинарии не должна производиться в действо, прежде нежели Вы рассмотрите, к лучшему ли она»¹. И в конце земной жизни (декабрь 1861 г.) Святитель в письме ректору Московской духовной академии архимандриту Савве выражает радость, что Духовная школа сохраняет свой внутренний стержень, и надеется, что так будет и впредь: «Приятно мне думать, что я в долгое служение мое, прилагая посильное попечение, чтобы Академия всегда сохраняла дух, свойственный духовному учреждению, то же расположение и в том же направлении согласное действие начальствующих и наставников я встречал и встречаю. Господь да сохранит — и Вы, и наставляемые Вами сохраните мне сие утешение, не ради меня, но ради блага Святой Церкви»².

Подобное говорил нам, так поступал и мой учитель в Московской духовной академии профессор Николай Иванович Муравьев (1891—1965), выпускник Киевской духовной академии. Главное для него было — сохранить дух «старой» Академии, утвердить его, отнести-

¹ *Филарет (Дроздов), свт. Письма к Высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888. С. 66.*

² Там же. С. 175.

ся к нему бережно, даже со своего рода благоговением, с любовью; в студентах воспитать то, что в сугубом смысле может быть свойственно только духовному учреждению, возрастить и утвердить их в православной церковности. Этим объясняется и строгость профессора, и отеческая доброта. Мудрое соединение первого со вторым приносило плод во сто крат: в тяжелейшие времена для Святой Церкви на служение ей выходили из Духовной школы самоотверженные служители Божии, готовые идти на путь не только исповедничества, но и мученичества за святую православную веру — и за Родину, ибо подлинная духовность от нее неотделима...

Первая памятная встреча с профессором Н. И. Муравьевым произошла в сентябре 1951 г. на вступительных экзаменах в МДА. Вот что я писал о сем пять лет тому назад в своих «Воспоминаниях»: «По Общей церковной истории запомнился экзамен потому, что принимали его два светлейших человека — отец Димитрий Боголюбов (1869–1953) и Николай Иванович Муравьев. Первый — почтенный старец, митрофорный протоиерей, известный в прошлом миссионер и профессор, второй — глубокий историк и ученый секретарь Академии. Принимали они экзамен спокойно, не торопясь, ставя один вопрос за другим и ожидая полных ответов»³.

Преподавал в Академии Н. И. Муравьев историю древней Церкви. Лекции читал спокойно, довольно медленно — не торопясь, сидя. За его спиной на стене висела карта, на которой были отмечены упоминаемые им места. Но профессор никогда не спускался с кафедры и не подходил к карте. Как правило, он поворачивался и пальцем указывал на карту, а иногда и, не поворачиваясь, делал это через плечо несколько согнутым большим перстом. Опрос студентов проводил строго, даже очень строго.

Если видел уклонение студента от прямого ответа, происходил такой диалог: «Вы читали?» — «Читал, Николай Иванович, читал!» — «Нужно не читать, а учить!» И ставил двойку, которую исправить было нелегко⁴.

³ Скурлат К. Е. Воспоминания и труды по Патрологии (I–V века). Яхрома: Троицкий собор, 2006. С. 39.

⁴ Там же. С. 52.

Как ученый секретарь профессор во время заседаний Совета Духовных школ сидел за отдельным столиком напротив ректора — председателя. Весь стол был покрыт стопками бумаг. Видимо, в их расположении был какой-то порядок, но почему-то почти всегда для извлечения очередного документа секретарю требовались поиски. Продолжались они долговато, с неторопливыми движениями, словно в замедленной съемке. Члены Совета невозмутимо ждали... Во время дискуссий, — а они были, и иногда «жаркими», — секретарь никогда не повышал голоса, не перебивал спорящего, не врывается в речь выступающего: как к его «поискам» относились терпеливо, так и он являл не меньшее терпение. Во всех его диалогах присутствовали вежливость, корректность, уважение к собеседнику. Вот она, «старая» интеллигенция!

Было в труде Ученого секретаря и такое, что в профессорско-преподавательской корпорации вызывало диаметрально противоположное отношение: одни приветствовали и радовались, другие возражали и скорбели, третьи просто недоумевали. Николай Иванович считал, что в общественных монографиях и даже диссертациях не нужны заключения, в которых бы автор делал выводы к своему сочинению. Присутствие выводов, по его мнению, есть свидетельство слабости работы, ее неясности, а значит — ненужности. Сочинитель, опасаясь такого восприятия его пера, торопится подвести желательный для него итог, чтобы утвердить в нем читателя, точнее навязать ему свое мнение, развить которое и вразумительно показать, доказать он не смог в своем громоздком труде. Диссертация должна быть написана так, чтобы подавляющее большинство читателей легко, свободно, даже приятно сделало единые, однообразные выводы! Так думал профессор и так поступал. — Свою магистерскую диссертацию, успешно защищенную в Московской духовной академии, он представил в Ученый Совет без заключения и без выводов (она имеется в библиотеке МДА). — На упреки рецензентов Николай Иванович Муравьев ответил твердым стоянием в своем мнении, чем вызвал дружную поддержку аудитории.

В быту профессор был прост. Приезжал на лекции из Москвы электричкой вместе с супругой, неизменным его спутником и помощником. Жена его Ольга Сергеевна заботилась о его здоровье, питании, отдыхе...

Останавливались они в небольшой комнате, расположенной на теперешнем административном этаже. Частенько их можно было видеть гуляющими в академическом садике. Внимание супругов одного к другому являло нам пример доброй семейной дружбы. А пример всегда оказывает значительно большее действие, чем много-много слов!

В любое время и даже в любом месте: в учебном корпусе, на академическом дворе, в электричке — можно было беспрепятственно подойти к профессору и нужное спросить. Он не спешил «на электричку» или в собственную машину (ее попросту и не было)... Так свободно, непринужденно подходили ученики к своему наставнику, как и в древней Церкви — к великим ее учителям, когда тепло христианской веры согревало души и вопрошающих, и отвечающих!..

Правильно, когда и руководители Академии, и ее профессора своей верой, жизнью, знанием напоминают (а лучше — повторяют) древних учителей Церкви. И снова вспоминаются размышления великого и мудрого святого иерарха Русской Православной Церкви Филарета Московского: «Когда в Церкви оскудели Учители, тогда явились доктора, профессора и бакалавры. Дух Евангельский, подобно как спирт, стали измерять градусами, то есть учеными степенями и званиями»⁵.

Вместо этих измерений более подходящим «служителям духовного просвещения надлежит относиться к заботливому помышлению о том, довольно ли стараются они приобретать учению своему внешнюю силу против силы преисподней? Довольно ли оно глубоко проникает в души наставляемых? Довольно ли переходит в жизнь? С сими помышлениями прибегнуть к Богу и стараться усилить в себе благу ревность было бы, конечно, справедливо, полезно и угодно Богу»⁶. Не надо поддаваться прихотям греховной плоти, «иначе сии гости вытеснят хозяев... Надобно господам ученым честнее жить»⁷.

⁵ Филарет (Дроздов), свт. Письма к другу, священнику Г. Г. Пономареву // МЦВ. 1907. № 49. С. 1513.

⁶ Филарет (Дроздов), свт. Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883. С. 9.

⁷ Филарет (Дроздов), свт. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. Т. 1. М., 1877. С. 22.